

Православное обозрение

1887. Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П68

П68 Православное обозрение: 1887. Том 3 / – М.: Книга по Требованию, 2021. –
826 с.

ISBN 978-5-458-03071-7

ISBN 978-5-458-03071-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

новыяя налічныя данныя, естественно, затамніць істэнае понятіе о дѣлѣ. Для того, чтобы вѣрнѣе оудити о дѣйствительныхъ плодахъ реформациі, необходимо отрѣшиться отъ всякаго предубѣжденія и притязательности и стать въ безусловно объективное отношеніе къ фактамъ и свидѣтельствамъ исторіи.

Какъ переворотъ собственно религіозно-церковный, реформациі, естественно, ближайшимъ образомъ должна была отразиться на религіозномъ и нравственномъ состояніи оныхъ послѣдователей. Она внесла въ общественное совнаніе совершенно новыя идеи и принципы, и произвела радикальный переломъ во всемъ мировоззрѣніи общества, который долженъ былъ перевернуть все направленіе и самыя идеалы и отношенія жизни. Въ предлагаемомъ изслѣдованіи мы именно и имѣемъ въ виду эту сторону вліянія реформациі и поставляемъ своей задачей выяснить сущность и качество этого вліянія, путемъ соотношенія извѣстныхъ фактовъ и показаній съ основами самой лютеранской доктрины. Въ интересахъ болѣе нагляднаго и правдиваго освѣщенія дѣла, мы намѣрены руководиться по преимуществу подлинными свидѣтельствами самихъ современниковъ реформациі и, на основаніи ихъ показаній, вести анализъ и характеристику даннаго времени.

Впрочемъ, мы должны предварительно испросить извиненіе у великодушнаго читателя, что не имѣемъ возможности непосредственно приступить къ разработкѣ фактической стороны поставленнаго нами вопроса и вынуждены одѣлать необходимое отступление. Соответственно предположенной задачѣ, мы считаемъ необходимымъ прежде всего изложить главнѣйшія и основныя положенія Лютера, развитыя нѣкоторыми частными его разъясненіями, затѣмъ опредѣлить логическій процессъ воздѣйствія этой доктрины на его послѣдователей и, наконецъ, представить дѣйствительную картину того нравственно-религіознаго перелома, который совершался въ обществахъ подъ вліяніемъ идей реформациі.

I.

Личность Лютера представляетъ собою очень сложный и интересный психологическій феноменъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, будучи воспитаны на идеяхъ своего времени,

свою индивидуальнаго генія восходятъ далеко надъ его общими уровнями и даютъ имъ своему вѣну. Внутренній, интеллектуальный міръ Лютера образовался путемъ разнородныхъ и постепенныхъ наслоеній, которыя, исходя изъ наличныхъ, окружающихъ условий жизни и перерабатываясь природными силами духа, опредѣлили его окончательную формацію. Въ процессъ его духовнаго развитія ясно обозначаются двѣ эпохи, разграниченныя между собою переходнымъ періодомъ, отмѣчающимъ время наибольшаго психическаго броженія. Какой рѣзкій контрастъ представляетъ одинъ и тотъ же Лютеръ въ обихѣ стадійхъ своего міросоверпанія! Въ первую эпоху своей жизни онъ является едва-ли не самымъ ревностнымъ и всецѣло преданнымъ сыномъ римской церкви. Семейная среда, окружавшая Лютера и хранившая наслѣдственную вѣрность своей церкви и традиціонный духъ религіозности, съ раннихъ лѣтъ воспитывала въ немъ достойнаго и усерднаго католика. За предѣлами домашняго очага его ожидали подобныя же условія. Религіозныя основы, вложенныя въ него семьей, нашли за ея кровомъ какъ нельзя болѣе благоприятныя данныя для полнаго и широкаго своего развитія. Вся дальнѣйшая обстановка жизни Лютера и его послѣдующіе шаги на поприщѣ образованія все болѣе укрѣпляли его духовную связь съ римской церковью. Въ 1505 году мы видимъ его уже монахомъ Августинскаго ордена. Нужно было видѣть этого монаха въ стѣнахъ его келліи, чтобы достойно оцѣнить всю силу и живость его католическихъ убѣжденій. Это былъ истинный рыцарь аскетизма, въ самомъ строгомъ его значеніи. Несомнѣнно, что западная церковь рѣдко имѣла въ своихъ монастыряхъ такого самоотверженнаго подвижника, какимъ явился Мартинъ Лютеръ. Ревнивое исполненіе орденскихъ обитовъ и суровые подвиги самаго строгаго воздержанія были его повседневнымъ упражненіемъ и ощутительно дѣйствовали даже на здоровье молодаго аскета. По свидѣтельству Меланхтона, онъ „по нѣскольку сутокъ не ѣлъ хлѣба и не пилъ воды“¹⁾. Насколько глубоко впоследствии раскаявался Лютеръ и жалѣлъ объ этомъ непроизводительно потраченномъ времени, мы увидимъ ниже; но въ данное время это былъ ревностный, полу-

¹⁾ У Новикова «Гусъ и Лютеръ». Т. I, стр. 198.

слѣпой, полу-сознательный корень католицизма, повидимому неразрывно сшившіеся со всѣмъ узкимъ и грубо-материалистическимъ его мировоззрѣніемъ. Его отношенія къ папѣ были проникнуты чувствомъ глубокаго и беззавѣтнаго уваженія; онъ благоговѣлъ предъ его трономъ и въ своихъ представленіяхъ окружалъ его ореоломъ какого то неземнаго величія, нравственной чистоты и могущества. Онъ успѣлъ вполне освоиться съ идеей папскаго абсолютизма, твердо вѣровалъ въ непреложный авторитетъ римскаго первосвященника и всякое посягательство на его неприкосновенность готовъ былъ считать дерзкимъ кощунствомъ, „Я такъ высоко уважалъ папу, сознается Лютеръ, что былъ увѣренъ, что кто отступаетъ отъ него въ малѣйшей чертѣ закона, тотъ осужденъ на вѣки и становится добычею діавола“²⁾). Пребывая въ монастырѣ, среди своихъ непосильныхъ аскетическихъ подвиговъ, Лютеръ удѣлялъ время и для продолженія своего богословскаго самообразованія. Библія была его неразлучной настольной книгой. Но по мѣрѣ того, какъ расширялся кругозоръ его богословскихъ понятій и на опытахъ самостоятельнаго изслѣдованія все болѣе вѣрши и упражнялись критическія силы его мышленія, замѣтно колебалась его прежняя спокойная самоувѣренность. Элементы религіознаго скептицизма, сначала робкаго и нерѣшительнаго, въ то время носившіеся какъ-бы въ самомъ воздухѣ, медленно, но упорно пробивали роковую брешь въ привычномъ, рутинномъ мировоззрѣніи Лютера. Исходнымъ пунктомъ тоскливыхъ сомнѣній и разочарованія Лютера и вмѣстѣ первымъ симптомомъ его духовнаго отчужденія отъ католической церкви было чувство неудовлетворенности ея практическими принципами, чувство, которое онъ съ сердечной болью испытывалъ на личномъ опытѣ. Католичество, какъ извѣстно, крайне грубо и односторонне трактовало сущность и условія человѣческаго оправданія. Согласно своему общему характеру, оно и здѣсь внесло свое материалистическое, мертвящее начало; игнорируя качественное значеніе сердца и вѣры, оно предлагало чловѣку какіе то полу-механическіе вѣсы, для количественнаго мѣрѣнія его внѣшнихъ поступковъ. и для соотвѣтственной оцѣнки его достоинства. Естественно, что при

²⁾ Ibid.

такимъ чисто пеллагианскомъ воззрѣніи на дѣло, человеку не на что было надѣяться, какъ только на свои слабыя, разбитыя силы, и его совѣсть, если только она не совѣмъ еще утратила свою чувствительность, должна была испытывать постоянныя безпокойства и тревоги. Человекъ чувствовалъ себя какъ-бы одинокимъ, покинутымъ и безпомощнымъ среди всѣхъ соблазновъ и опасностей окружающаго міра и собственныхъ инстинктовъ и, не видя нигдѣ утѣшенія, нерѣдко доходилъ до отчаянія. Лютеръ, при своихъ недюжинныхъ способностяхъ, при выдающемся интеллектуальномъ развитіи и по самымъ свойствамъ своей впечатлительной и глубоко-религіозной природы, тѣмъ яснѣе и живѣе чувствовалъ гнетущую ненормальность такого порядка вещей, а его чуткая непокладистая совѣсть рѣшительно не давала ему покоя.

Вступая въ монастырь, Лютеръ серьезно понималъ свое крѣвое положеніе и тѣ нравственныя обязанности, которыя онъ принималъ вмѣстѣ съ специальными обѣтами ордена; какъ истинный католикъ, онъ горячо и съ энергіей взялся устроить свое спасеніе и суровыми подвигами воздержанія надѣялся обезпечить себѣ душевный миръ и необходимый запасъ заслугъ для будущаго зачета. Но ему было всего 22 года, когда онъ впервые заключился въ келью; его пылкій темпераментъ и молодая, горячая кровь рѣвно протестовали противъ такого крутаго насилія и настойчиво требовали своихъ законныхъ правъ: трудно ломать свою природу и имѣть дѣло съ такой упорной оппозиціей, особенно въ раннюю юношескую пору, при полномъ развитіи молодыхъ силъ. Лютеръ геройски боролся противъ всѣхъ соблазновъ и искушеній плоти и усиливалъ свои суровыя лишенія, нерѣдко до полного обезсилія. Но все это оказывалось безплоднымъ: ни строгое подвижничество, ни частая исповѣдь, ни самая молитва не доставляли желаемаго облегченія и не могли успокоить терзающуюся совѣсть. По его увѣреніямъ, „всѣми трудами раскаянія и исповѣди онъ только все болѣе дѣлалъ сомнѣвающуюся, слабою и опечаленною свою совѣсть, такъ что онъ всегда былъ огорченъ и озабоченъ, потому что представлялъ, что Богъ не милостивъ къ нему; онъ никогда не могъ увѣриться въ божественной благодати и такимъ образомъ постоянно все глубже и глубже впадалъ въ ужасъ и наконецъ

почти дошелъ до отчаянія“²⁾). Думалъ о полномъ, идеальномъ безстрастіи и чувствуя свое безсиліе, онъ испытывалъ неотступныя болѣзненные терзанія совѣсти, которая и днемъ и ночью мучила его разстроенное воображеніе картинами божественнаго гнѣва и страшнаго суда, въ строго католическомъ стилѣ. Механическое благочестіе, въ которомъ онъ неуспѣшно подвизался съ такимъ упорнымъ самоотверженіемъ, далеко не исключало самыхъ дурныхъ влеченій и наклонностей, развитіе которыхъ онъ съ ужасомъ ощущалъ въ своемъ сердцѣ. По его собственному признанію, особенно мучили его возбужденія гнѣва, ненависти и зависти, съ которыми напрасно старался онъ бороться³⁾). Постоянная борьба съ плотью и совѣстью и мучительные приступы сомнѣнія усиливали мрачныя стороны его характера, на счетъ положительныхъ чувствъ любви и надежды. Въ данномъ состояніи онъ способенъ былъ возненавидѣть даже Самого Христа: „когда я въ монастырѣ надвѣвалъ клобукъ, рассказывалъ самъ Лютеръ, то я былъ такъ враждебенъ Христу, что когда видѣлъ картину или изображеніе распятія, то пугался этого, опускалъ глаза внизъ и желалъ лучше видѣть діавола, потому что мое сердце было заражено католическимъ ученіемъ о томъ, что я осквернилъ мою крестильную сорочку, потерялъ Христа и крещеніе и долженъ помогать себѣ самому“⁴⁾). Аскетическія дѣянія и самоотказанія, безсильныя предъ гнетущимъ чувствомъ грѣховности, уже не внушали никакой спасительной надежды и утѣшенія; по его словамъ, онъ „непрерывно питалъ внутри себя недовѣріе, сомнѣніе, уныніе, ненависть и богохульство“⁵⁾). Нуженъ былъ какой-нибудь прямой и рѣшительный выходъ изъ того заколдованнаго круга, въ которомъ онъ оказался. Среди непрерывной, мучительной борьбы и хаотической путаницы представленій, онъ ясно различалъ внутри себя какой-то загнанный, но настойчивый голосъ: „кто знаетъ, угодны ли Господу твои подвиги?“⁶⁾). Къ этому времени прежнія, чисто

²⁾ Luther's Werke. Walch. Ausg. VI. 217. VIII. 1183. 2607.

³⁾ Opp. Lat. Ien. IV. 169. b.

⁴⁾ Luther's angedruckte Predigten, herausg. von Bruns. S. 85. ff.

⁵⁾ Comment. in Galat. Francof. 1543.

⁶⁾ Невзиковъ. I. 199.

теоретическія и слѣпо уваслѣдованныя симпатіи къ католицизму, естественно, должны были ослабнуть среди такихъ волненій психической бури; даже болѣе того, „онъ возненавидѣлъ религіозныя представленія латинства, отнимавшаго у человѣка послѣднее утѣшеніе вѣры“^{*)}. Его возбужденная мысль начала дѣятельно работать въ подсказанномъ направленіи и все болѣе утверждалась въ сомнѣніи на счетъ непогрѣшимости католическихъ понятій объ оправданіи. „Стѣны монастыря, говоритъ архимандритъ Хрисанъ, жизнь по уставу, разобщенность съ жизнію — вотъ съ чего начинаются думы реформатора. Думы эти все болѣе и болѣе волнуютъ его, подъ вліяніемъ ихъ начинается онъ читать Св. Писаніе и искать въ немъ себѣ мира и покоя и останавливается по преимуществу на тѣхъ мѣстахъ его, гдѣ раскрывается мысль о благовѣрномъ оправданіи, о радостяхъ оправданнаго сердца, опускаая изъ виду другія мѣста объ условіяхъ спасенія со стороны самого человѣка, о необходимости дѣятельнаго участія его въ дѣлѣ спасенія, о необходимости подвига самоотверженія и т. п.“^{*)}.

Это было еще переходное, нервнѣйшее состояніе; Лютеръ былъ еще бесконечно далекъ отъ мысли стать въ прямую оппозицію съ Римомъ. Въ 1510 году ему привелось впервые побывать въ самомъ священномъ городѣ, какъ кажется, по дѣламъ своего ордена. Впечатлѣнія, вынесенныя изъ этого путешествія, глубоко запали въ сердце Лютера и были далеко не въ пользу Рима. Нравственная грязь, крайній религіозный индифферентизмъ и кощунственныя выходки представителей клерикальнаго города въ значительной мѣрѣ разсвѣди его прежнія иллюзіи на счетъ духовной высоты и авторитета Рима. Но если было оскорблено религіозное чувство Лютера, то еще болѣе было задѣто его національное самолюбіе. Здѣсь пришлось не разъ выслушивать, какъ грубо и высокоумно третировали его дорогую Германію и какъ унижительно отзывались объ его соплеменникахъ. Въ Лютерѣ заговорилъ нѣмецъ. Его ревнивое національное чувство получило слишкомъ тяжелый ударъ, который не могъ не отразиться крутымъ поворотомъ въ его отношеніяхъ къ Риму, разу-

*) Гь.

*) Характеръ протестанства. Вып. I 103—104.

мѣется въ самую невыгодную сторону. „Въ Италіи, говорить Новиковъ, онъ выучился ненавидѣть Италію“¹⁰⁾.

Такимъ образомъ, нравственныя связи, заставлявшія его слѣпо тяготѣть къ Риму и его догмѣ, замѣтно ослабѣвали, отырывая болѣе широкій просторъ для свободнаго и самобытнаго мышленія. Съ полученіемъ докторскаго барета, этотъ подъемъ личнаго духа сталъ еще замѣтнѣе. Принимая докторство, онъ соединялъ съ нимъ понятіе высокой нравственной ответственности и обязанности истиннаго знанія и учительства. Съ этого времени Лютеръ, сознавая свой долгъ и право, уже перестаетъ стѣсняться схоластической рутиной и, поощряемый друзьями, усиливаетъ свои кабинетныя изысканія, для того, чтобы отырьто дѣлиться ими съ обществомъ. Въ этихъ занятіяхъ, посвященныхъ главнымъ образомъ изслѣдованію Библии, и подъ вліяніемъ творечій Августина созрѣли и окрѣпли его завѣтные взгляды, начатые, какъ мы видѣли, сомнѣніемъ. Сочувствіе окружающаго общества, возраставшее по мѣрѣ ознакомленія съ его идеями, еще болѣе укрѣпляло его самоувѣренность и позволило во всеоружіи начать неизбежную полемику съ присяжными представителями церкви. Но и при всей исключительности своихъ воззрѣній, рѣшительно не клирившихся съ основами вѣковаго міросозерцанія церкви, Лютеръ видимо не желалъ быть отступникомъ и продолжалъ бы считать себя вѣрнымъ и благонамѣреннымъ сыномъ, еслибы дальнѣйшій ходъ событій самъ собою не поставилъ его въ роковую дилемму, разрѣшившуюся полнымъ и безповоротнымъ отпаденіемъ. Торжественное сожженіе папской буллы, подвергавшей проклятію самого реформатора и его произведенія, было сигналомъ и формальнымъ актомъ окончательнаго разрыва, послѣ чего Лютеръ уже перестаетъ считать себя связаннымъ съ Римомъ такими или иными обязательными отношеніями.

Такимъ образомъ, своеобразное ученіе Лютера, рѣзко обособившееся отъ неподвижныхъ формъ католическаго міросозерцанія, представляетъ ближайшимъ образомъ продуктъ лично пережитыхъ впечатлѣній и тѣхъ тревожныхъ сомнѣній, которыя волновали его въ монастырской кельѣ. Начавши съ неясныхъ и робкихъ движеній, его запуганная мысль должна была пройти

¹⁰⁾ I. 227.

длинный путь саморазвитія и мучительныхъ колебаній, пока благопріятныя условія и отчаянное состояніе переживаемаго кризиса не сообщили необходимую силу и рѣшимость для радикальной ломки прежнихъ строго католическихъ понятій. Изъ случайныхъ, разрозненныхъ и какъ бы вымученныхъ мыслей, путемъ долгаго логическаго процесса и тщательной критической провѣрки, выродилась довольно стройная и цѣльная вѣроисповѣдная система, явившаяся грознымъ призракомъ предъ изумленными взорами папства, съ надменнымъ требованіемъ легальнаго юридическаго гражданства, наравнѣ съ вѣковыми доктринами католицизма.

Обратимся теперь къ самой системѣ и попытаемся раскрыть ея важнѣйшія положенія, въ связи съ нѣкоторыми детальными разъясненіями, поскольку они могутъ служить къ ея характеристикѣ.

Центральное мѣсто въ системѣ Лютера занимаетъ ученіе объ оправданіи вѣрою. Краеугольное положеніе этого догмата замѣтно обозначилось еще въ самомъ началѣ идейнаго броженія, поднимавшагося въ Лютерѣ, и съ теченіемъ времени выяснилось со всею возможною рельефностью. Лютеръ всегда считалъ это ученіе главной опорой и основнымъ принципомъ истиннаго христіанства, обусловливающимъ все религіозныя отношенія и существованіе самой церкви. „Если, говорилъ онъ, —погибнетъ этотъ членъ, то погибнетъ и церковь и невозможно будетъ противостоятъ никакому заблужденію, ибо безъ этого члена Духъ Святой не хочетъ и не можетъ оставаться при насъ“¹¹⁾. Только это ученіе сообщаетъ дѣйствительный смыслъ и чистоту христіанству и обезпечиваетъ его мирное и спокойное развитіе. „Гдѣ остается чистою и ясною одна эта часть, утверждаетъ онъ, — тамъ и христіанство остается чистымъ и согласнымъ; но гдѣ это не сохраняется, тамъ невозможно уберечься отъ заблужденія и мятежнаго духа“¹²⁾. Въ виду такой міровой важности вопроса, Лютеръ видимо гордился своимъ открытіемъ; онъ былъ искренно убѣжденъ, что ему первому удалось возстановить истину скрытую въ апостольскихъ посланіяхъ и непонятую въ католичествѣ.

¹¹⁾ Luther's Werke. Jen. Ausg. V. 228. b.

¹²⁾ L. W. Walch. Ansg. VIII. 1538.

„Ототъ соблазнъ (омѣшеніе дѣлъ съ вѣрою), пишетъ Лютеръ, — отъ начала и до настоящихъ дней пренятствовало чистому вѣроученію. Я не знаю никого, кто бы могъ имѣть относительно этого правильное сужденіе, никого, кромѣ апостоловъ, которые избраны были для того, чтобы проповѣдывать только это и положили основаніе ученію“¹³⁾.

Главная цѣль, которую преслѣдовавъ Лютеръ и которая легла въ основаніе его ученія, выражалась въ стремленіи доставить утѣшеніе и спокойствіе человѣку, угнетаемому собственною совѣстью. При томъ условіи, которое предлагала грѣшнику католическая церковь, чтобы обезпечить его загробную будущность и которое сводилось къ чисто математической пропорціи добрыхъ дѣлъ, трудно было надѣяться на спасеніе. Лютеръ по собственному опыту зналъ о томъ отчаяніи, которое овладѣваетъ человѣкомъ въ сознаніи его безсилія и безпомощности. Онъ искренно сокрушался за все человѣчество, которое подъ непосильнымъ гнетомъ закона, при постоянныхъ угрозахъ Божественной кары и безъ всякой утѣшительной перспективы, должно было испытывать самое бавотрадное состояніе. Эта настоятельная, опытно сознанная, потребность противопоставить страху угнетенной совѣсти чувство полной безопасности и надежды, послужила главнымъ нравственнымъ принципомъ, на которомъ построена вся система. Этой основной цѣлью опредѣляется какъ общая постановка, такъ и детальное раскрытіе отдѣльныхъ частей доктрины; отмѣченной однимъ общимъ колоритомъ, рѣзко выделяющимся на мрачномъ фонѣ католическаго ригоризма. Но реакція, какъ извѣстно, рѣдко удерживается въ границахъ должной умѣренности. Въ этомъ отношеніи законы физической инерціи едва ли не въ равной мѣрѣ могутъ быть приложимы и къ сферѣ мышленія.

Въ своемъ предубѣжденномъ отрицаніи Лютеръ невольно увлекся въ обратную крайность. Добрыя дѣла въ католическомъ смыслѣ, какъ заслуга человѣка, доставляющая оправданіе, вызывали въ немъ чувство рѣшительнаго отвращенія, — чувство, воспитавшееся на опытахъ собственнаго подвижничества. Подъ влияніемъ такихъ чисто субъективныхъ впечатлѣній, Лютеръ не

¹³⁾ Walch. Ausg. IX. 492. ff.

затруднился объявить всё добрыя дѣла и самое стремленіе къ благочестивой жизни наглымъ лицемѣріемъ и коварнымъ соблазномъ, отуманивающимъ релігіозное сознаніе человѣка. „Нѣтъ ни одного болѣе опаснаго и злобнаго соблазна, говорить онъ, чѣмъ вѣщныя добрая жизнь среди добрыхъ дѣлъ и духовной жизни. Это, поистинѣ—врата и широкая столбовая дорога къ погибели. О, какая ужасная мерзость невѣрія и нечестія скрывается подъ доброю жизнію, какой волкъ подъ овечьей шкурой, какая блудница подъ вѣнцомъ!“¹⁴⁾ Самое естественное природное стремленіе къ добродѣтели для его разстроенной, болѣзненно возбужденной мысли представлялось непременно съ корыстной подкладкой и казалось безумной попыткой считаться и мѣряться съ Богомъ. „Въ сердцѣ каждаго изъ насъ, утверждаетъ онъ,—находится великій монахъ, т.-е. мы всё охотно желали бы имѣть такія прекрасныя дѣла, которыми могли бы хвалиться и говорить такъ: вотъ, что я сдѣлалъ, я удовлетворилъ моего Бога молитвою и добрыми дѣлами, вслѣдствіе чего я желаю имѣть тѣмъ большій покой совѣсти, потому что со мною случается, что я бываю гораздо радостнѣе тогда, когда я отправилъ свою обязанность и выполнилъ то, въ чемъ состоитъ мое призваніе, нежели тогда, когда не исполнилъ этого. Конечно, сама по себѣ эта радость не имѣетъ ничего злаго, но она безъ вѣры и нечиста, притомъ такая радость, которая увлечетъ и сбиваетъ съ толку совѣсть“¹⁵⁾.

Но, возставая противъ такой исключительности добрыхъ дѣлъ въ католицизмѣ, Лютеръ всецѣло перенесъ ее на значеніе вѣры, которая въ его системѣ получила всё права монополіи. Вѣра—вотъ единственное условіе, которое требуется отъ человѣка для его спасенія; только она опредѣляетъ его дѣйствительное достоинство и даетъ ему право на оправданіе. Блаженство, по Лютеру, несомнѣнно для христіанина, потому что оно основывается единственно на его вѣрѣ; посредствомъ вѣры онъ имѣетъ все, чрезъ что онъ спасается, и болѣе ни въ чемъ не нуждается для этого. Но вѣра, вообще говоря,—понятіе очень обширное и вѣдущее, не исключющее недоразумѣній. Поэтому Лютеръ на-

¹⁴⁾ Walch. Ausg. XI. 349. ff.

¹⁵⁾ Ibid. V. 620.